

Конец игры

Аннотация

Мир исчез, остались лишь две пони. Одна – сидит и смотрит. Другая – приходит и уходит. Не порознь, но и не вместе. Первая корпит над последней загадкой мироздания, вторая скитается во внешней тьме. Но они не покидают друг друга.

Твайлайт Спаркл вершит невозможное. В бессчётный раз. И она непременно добьётся успеха, ведь он близок как никогда.

Автор: [Cynewulf](#)

Перевод: [Doof.Ex.Machina](#)

Вдохновение и помощь в переводе: [mageytash](#)

Не обретём ли мы смысл?

23%

У тёмных комнат много достоинств. Всех, кого ещё не тронули притягательные стороны мрака, они способны погрузить в безмятежие. Даже тот, кто с уходом света беспрестанно балансирует, точно акробат, на краю мира, не откажется от тихого тёплого уголка, не тронутого лучами медного солнца.

Но что самое главное, всё в тёмных комнатах низводится до примитива: свет, звуки, голоса.

Мелодичное журчание магии. Цокот копыт по плитке. Запахов нет – стерильно.

— Ты когда-нибудь задумываешься, к чему всё это?

— Нет.

— А я – да.

— Не удивлена.

Мерное гудение устройств. Бряцание ключей.

— Иногда я сомневаюсь, правильно ли поступаю.

— Тебе нечем заняться?

— Не особо. Ты ведь сама в курсе, всё кончено.

— Именно.

Журчание магии, шуршание бумаг – и возникает свет. Две единорожки: одна скользит взглядом по распечаткам данных, вторая пристально глядит в мониторы.

— Я тебе нужна, — произнесла та, что с бумагами.

— Нет.

— А вот и да. Ты этого хочешь.

— Ну, вот ты со мной. Имеет это значение?

— Наверное. Тебе принести чего-нибудь?

Пони перед экранами покачала головой и, воспользовавшись мельчайшей крохой магии, сдвинула непослушную прядку с глаз; вздрогнула, и в разливающемся свете даже гостье всё стало видно.

— До сих пор болит?

— Нет.

— Знаешь, — начала гостья, хотя и не была никакой гостьей, — я не могу просто так сидеть в стороне. Давай принесу. Кофе? Одеяло? У тебя на старой постели осталось одно.

— Нет.

— А я принесу.

— Если так хочется, то пожалуйста.

39%

Время течёт и течёт: часы, дни, недели, года. Сидевшая по-прежнему сидит. Приходившая по-прежнему приходит. Встаёт за спиной, как тысячи раз прежде; прикрывает дверь, которая ведёт из Тёмной Комнаты в Коридор, на Кухню и к Лестнице.

— Мы на пороге великого успеха, скажешь. Что каждый винтик на месте, каждая цепь замкнута...

— Так и есть.

— ...Ну да, но... вот давай поразмыслим. Что ты скажешь дальше? То же самое? Какой-то... порочный круг. Как копытом клопаешь.

— Можно и без грубостей.

Тихий вздох. Обе глядят в мониторы и прислушиваются к колоссальным механизмам, что в нижних отделениях. Трудятся. Стонут от натуги. Обе ощущают перестук Шестерней. Шестерни не настоящие. Отчасти. А отчасти – реальнее некуда.

— Ответь на вопрос. Подумай там... или, ну, не знаю...

Пони, что неотрывно буравит мониторы взглядом, промолчала.

43%

Давным-давно, ещё в детстве, мама рассказывала ей истории.

Даже не просто «истории», а Истории. В голове они всегда представляли жирным, подчёркнутым, с большой буквы словом. Так велика их важность!

Иногда ей казалось, что в них таился целый мир.

Станция – мир с маленькой «м». Истории же – Мир с «м» большой. Голос лился потоком слов, обыкновенных и в то же время бывших чем-то большим, ибо слова совсем не простые слова. Умом она не знала, что многие значат, но внимала смысл сердцем. Слова обретали очертания, цвета, жизнь. Деревья. А что есть дерево? Деревья были чем-то эдаким, она знала, и в мыслях это эдакое рисовало картины залитых светом коридоров, изогнутых в некие фигуры, и дивные создания сидели на макушках. Листья? Листья это как одеяла, которые она стаскивала со всех спален и в которые заворачивалась, если хотелось спрятаться. Какому жеребёнку, укrywшемуся от глаз взрослых, не в радость иллюзия защищённости? Она представляла, что те шуршат на ветру, а ветер это как воздух из вентиляции, только сильнее и свежее. А трава... она как... как просо и тимофеевка из волшебных ящичков – мама разрешала их грызть иногда, когда урчало в животе, – только трава растёт везде-везде, зелёная, мягкая – так и манит покувыркаться.

В историях, в Мире, жили пони с рогами, как она, и всё время творили магию. Не просто поднимали вещи, а взаправду колдовали невероятные, могучие заклинания, чудеса из чудес. Другие же пони летали на штуках, называемых «крыльями». Крылья, ей казалось, это как одеяла с перьями, а перья – они из подушек и маминой чернильницы.

А она бы устроилась в собственном гнёздышке из одеял и жила бы там.

55%

Теперь прочь. Из Тёмной Комнаты – и по Коридору, озарённому белым светом, который иногда мигает, но обычно нет. Мимо спален с рядами пустых коек, по две на комнату, и только одна примята телом – живым и тёплым телом, вернее, – только на одной спит пони; «спит» в том смысле, в каком когда-то спали другие пони.

Мимо Кухни. Направо. Вверх по Лестнице.

Цок-цок, цок-цок – цокают копытца по старинной плитке, некогда белой, но потускневшей от времени, налёта и шагов. На самом верху Лестницы, приделанное к двери, ждёт Колесо. Она крутит Колесо магией, отбрасывает дверь вверх, а дальше...

А дальше последний Единорог на Свете вольна бродить, где вздумается. Чем время от времени она и занимается.

Есть ли там, на что поглядеть? Не особо. А вернее, ничего, если воздержаться от соблазна недосказанности. Абсолютно ничего. Камень. Стекло. Свет? Нет, никакого света. Ни солнца, ни луны. Там вверху есть *что-то* непонятное, неровное и эфемерное, но уж точно больше не луна. Неважно. Какая разница, что это, если не видишь сам?

59%

Тёмная Комната всегда кажется чернее, чем есть, хотя от раза к разу не меняется ни на йоту.

— Помнишь, какая трава?

Настоящая трава, если точнее. Которая растёт, если совсем точнее.

Мгновение молчания.

— Разумеется.

— А я не помню.

Последний Единорог на Свете отбежала от двери и замерла подле сидевшей. Она всегда так делает. А что ещё, если делать больше нечего? Едва ли Единорог понимала и половину того, что на экранах.

Вообрази на миг: ты уверен, что углы любой фигуры, треугольника или четырёхугольника, чему-то равны. Не сомневаешься, что это реальность, — даже если сам ты лишь чья-то фантазия. А потом представь, что кто-то заявляет: нет-де, чему равны углы треугольника, зависит от дня, погоды и цвета!

Вот то же самое испытывала и последний Единорог на Свете, когда вчитывалась в последние на свете буквы.

Книг ведь больше не осталось. А она скучала по книгам. Не осталось и историй; хотя, казалось бы, что бывает вечнее? Не считая той истории, в которой жила она сама — истории про Единорога и Принцессу, про яркие мониторы, и пустынные коридоры, и заурядную койку, и тьму снаружи, и редкие беседы, и конечное ничто.

— Почему не помнишь?

Она изумлённо моргнула. Та, что сидела – Принцесса, – не оборачивалась, однако и вопросов не задавала уже лет сто. Её редко что интересовало.

— Давно ведь было, — ответила та, что скиталась.

— Не так уж и давно.

— Года.

— О. Ну а что снаружи?

— Ничто, — Скиталица хохотнула.

— А.

— Ты никогда не спрашивала.

Принцесса шевельнулась. Кажется. Шевельнулась она или нет, что-то определённо издало *шорох*. Скиталица всей душой бы хотела, чтобы та сдвинулась: от таких штук в голове рождаются целые миры, если не мешать воображению.

— А по-моему, спрашивала. Много раз.

— Не думаю, — Скиталица пожала плечами.

Она б ответила: «А по-моему, не спрашивала», но промолчала. Увы, правда такова, что за стенами Бункера, за светом мониторов твёрдая материальность кончалась, а вера в реальность таяла тем сильнее, чем дальше. Когда-то она с трудом представляла внешний мир как конкретное место. Не потому что он эфемерен, а потому что там буквальное ничто. «Ничто» не представишь с конкретикой.

— Ну-у, — протянула она, — и что ты помнишь о траве?

Принцесса, как правило, молчала и не двигалась. А если отвечала, то отвечала лаконично, только самую суть.

— Она была мягкой.

65%

Её маму звали Кандесент, но жеребята ведь не зовут матерей по именам. Оттого образ кобылы в мыслях откликался только на слово «мама». С чего бы должно быть по-другому?

Некогда в мире жили целых трое пони, и это уже немало, размышляла Скиталица. Её воображение с трудом рисовало, что другие спальни мог занимать кто-то ещё, а ведь койки стояли десятками. Десятками! Такая толпа населила бы целый мир!

И жеребёнком она недоумевала: как удержать в голове столько имён?

Своего имени она почти не слышала из чужих уст. Принцесса, временами бархатным голосом, звала её «дитя», а мама – самое невероятное создание в мире – называла «цветочком», «сладкой» или «солнышком». Эти имена ни капли не отличались от имени, данного при рождении. Скиталица даже называла себя именно ими, а не тем, которое придумала мама ревущему комку плоти.

В те дни Принцесса сидела так же недвижимо, но разговаривала куда охотнее. С любознательными жеребятками общаться проще, чем со взрослыми кобылами.

70%

Выйти из Бункера было несложно, хотя смысла в этом немного. Тщетное и бесцельное занятие. Скиталицу это не удерживало.

Она взобралась по лестнице, убрала с дороги гигантскую дверь убежища и ступила наружу.

Чернота. Неумолимая, необъятная, бездонная – если у таких штук, как Ничто, бывает дно. Если стоять у входа, то в ослепительно-ярком свете из Бункера видно кусочек окружающего мира. А если напрячь зрение, то заметишь зубчатые края. Но глядеть всё равно не на что, как нечего описывать словами.

Снаружи было «ничто» в довольно образном смысле.

Непреклонная, Скиталица выбралась из проёма. Ходила она всегда только по прямой. Уверяла себя, что так ведь легче и проще, что лучше не терять свет из виду, иначе обратно уже не вернёшься. А это правда. Но настоящий повод был совсем иной, и она укоряла себя: «Врунья!» – всякий раз, оправдывая своё поведение.

Если честно, она оправдывала этим всё что угодно.

А у неё только и осталось, что честность. Ну, ещё размышления, если так можно выразиться.

У тёмных комнат много достоинств, но у безграничного Ничто их больше, несмотря на гнетущую суть. Оно, скажем так, дарило радость – краткую и мимолётную, но несущую в себе *ничто*. Иначе как радоваться Ничему без удовольствия?

Она брела и созерцала, как из пустоты неспешно vyplывают образы и сливаются друг с другом. Сначала цвета – всегда именно цвета! – затем формы невиданных линий и оттенков, потом мираж глубины и чёткости, финальный штрих... и вот вокруг уже совсем другое Место. Временами, когда образы обретали ясность, она вспоминала звуки и подражала виденным чудесам. Цок-цок – вот шагают пони; клац-клац – вот катится по брусчатке тележка. Она шумела вовсю и, вся довольная, скакала по улице.

Всё это жило в Историях.

Вот так вот.

А затем возникал Поворот. В какую сторону ни двигайся, рано или поздно земля шла под уклон. А может, так казалось. Единорог далеко не забиралась. Наверное, точнее даже наверняка, ей чудилось продолжение миража. Бездна обманывала незрячие глаза. Просто плоской, тянущейся вечность равнины мало, и хочется разнообразия, хочется различий. Мозг – если, как обычно, рассуждать логически – нуждался в вариативности, а иначе геометрия пространства точно свела бы его с ума.

Но на Повороте она всегда замирала. И да, поворачивала назад. Но не сразу, не мгновенно.

Она стояла и смотрела, иногда продолжала мечтать. Но сейчас картины: весёлые пони, тележки и трава (если она правильно помнила траву), деревья и солнце, пегасы и облака – растаяли, оставив только одиночество.

Никакое не откровение, что настал темнейший час Мира. А будут ли вообще какие-то откровения? Всему конец, ну, или почти конец.

Склон. Склонный склон. День за днём, час за часом, шаг за шагом, действие за действием. Не отвесный обрыв, а крохотный склон. Невозможный.

Невозможный – потому что мог быть реален либо нереален, но никак не одновременно. Не мог являться и склоном, и чем-то конкретным, целостным. Или мог, но так ведь не бывает, как не бывает и того, что время Скиталицы разом и стоит, и движется, когда она шагает за...

За горизонт? Какой горизонт?

Она развернулась и, не вымолвив ни слова, поскакала обратно к двери.

86%

Аркианная станция «Клевер» была первой и последней в своём роде.

Возведение станции, объявленной первым шагом на пути к исправлению Последней Проблемы мироздания, не ускользнуло от внимания общества. Пони стекались к стройплощадке, дабы узреть под землёй последнюю надежду.

— *Что там?* — сыпались вопросы, — *что оно делает? И как?*

Все любопытничали, всем хотелось поглядеть, что внутри.

— *Оно обратит всё вспять,* — отвечала Принцесса, — *оно всё исправит.*

Кого-то такой ответ устроил. Кого-то – более-менее, ибо ответа лучше всё равно не предвиделось.

Принцесса, надо понимать, была немногословна. На публике говорила только то, что надо, и в редких случаях чуть больше. Если верить кое-чьим словам, с глазу на глаз она безбоязненно открывала натуру пылкой собеседницы всем, кто не терялся среди высоких теорий. Часами она рассказывала учёным о метафизических концепциях и тайнах вселенной, но с каждым откровением всё больше и больше седовласых старцев удручённо свешивали головы, и в конце Принцесса осталась одна.

Так говорили.

Простой трудяга с улицы, впрочем, не видывал её второй стороны. Большинству взоров представала единственная и неизменная монархия всего мира, овеянная царственным величием.

На постройку «Клевера» ушло пять лет. Сотни пони гибли под землёй, гибли, рыли и копали. А ещё ждали, постоянно ждали ежедневных землетрясений. Иногда трясло от обычных толчков. Иногда – от Того, чем Принцесса занималась в естественной пещере, над которой возводилась станция.

В лабораториях под Саркофагом бывала только она лично. Ни архимаг, ни инженер, ни одно живое существо, кроме Принцессы, не видели, какие чёрные и белые чудеса творились там. Только дрожь да странные грёзы изредка нападали на работников, и они лихорадочно бросались обратно за работу.

Над их головами одна за другой гасли звёзды. Жизнь увядала, оживала и увядала вновь. Дни погружались в сумрак, а горы крошились в пыль. Пред самым концом мир содрогнулся, и тогда...

Тогда они закончили.

Едва успев.

90%

Скиталица принесла Принцессе кофе. В мире осталось мало кофе. В мире, да, но в мыслях она думала о станции, потому что станция и была *миром*, а Ничто снаружи – ничем.

— Как успехи? Ну, с мониторами и магией.

— Середина на половину.

Не повернулась, не взглянула на чашку. Вторая пони телекинезом поднесла кофе к её губам и с отработанной бережностью помогла отпить.

— Половина? Наука с магией или мониторы с темнотой?

— Да.

— Я снаружи побывала.

Фыркание. Глоток.

— Знаю. Я в курсе, что ты выходишь.

— А мне казалось, нет.

— Тебя отовсюду слышно, знаешь ли.

— Ещё бы, — вновь глоток. — С одеялом нормально?

— Да, — молчание. — Спасибо.

— И долго ещё тебе, если не секрет?

— Недолго.

Никакого пыла в голосе. Никакой досады или недовольства. Будто у неё впереди целая вечность.

Сейчас вечность и безвременье означали в каком-то смысле одно и то же, Скиталица знала.

— Какой была моя прабабушка?

Молчание. Глоток.

— Почему спрашиваешь?

— Надо же время скоротать.

— Твоя правда. Не возражаю, — миг тишины. — Для начала, так как я ценю точность, прибавь в начало ещё несколько «пра-». Она была умна, вольнодумна даже. Нетерпеливой. Задавала жизни ритм.

Опять воцарилось безмолвие. Принцесса ткнула носом чашку, поддерживаемую последней сиделкой на свете.

— У неё был мотоцикл.

— Мото-что?

— Долго объяснять, — короткий смешок. — Весьма долго. Это устройство. Она многие годы жила по ту сторону зеркала, а там всё иначе.

— Ты серьёзно или шутишь?

— О, ещё как серьёзно. Серьёзней некуда. Она любила кожаные куртки. Музыку. Колдовала неряшливо, но не без искусности. Горячая, я бы сказала, голова. Очень... гм... очень горячая. Ты сахар положила?

— У нас совсем чуть-чуть осталось.

— А. Вроде бы чую сладость, а вроде и нет. Это так, к слову. Она была моей подругой, последней, но самой лучшей. Та ещё красавица.

— И ещё вот что... Не помню кто, но он сказал то же самое. Про красавицу. Зато помню, что мне захотелось узнать больше.

Принцесса хмыкнула. Если она и помнила имя, говорить его не захотела.

— Недолго осталось, — протянула она. — Здесь стулья остались? Или диваны?

— Не-а.

— Ну ладно. Постой, если хочешь, но это займёт время.

95%

Всего существовало три станции: «Клевер», «Гаммафор» и «Белла». Очертания двух других сливались где-то вдалеке. Или поблизости, кто разберёт.

Ещё один симптом гибнущей вселенной – тела сближались, покрывая мили за считанные минуты.

Большое сжатие. Все хранили молчание: тут или переживёшь, или умрёшь – иного не дано. Принцесса спустилась в недра станции, но так и не поднялась.

Погибло солнце. Раскололась луна, и последние звёзды с визгом устремились с небосвода на землю. А пони подымали головы и смотрели. Иногда сиделка – Скиталица – размышляла, о чём же те подумали. Они испугались?

Или, может, подивились красоте?

98%

— И что оно делает?

— Исправляет всё.

— Но как?

— Тебе в самом деле интересно или ты просто хочешь, чтобы я сказала что-нибудь ободряющее? — Принцесса насмешливо фыркнула, вздохнула и, когда собеседница не ответила, заговорила вновь: — Это было не к месту. Знаю. Ты ещё здесь?

— Да.

— Я неблагодарная?

— Ну, временами.

— Слишком неблагодарная?

— Нет.

— Ага.

Монитор бахнул облаком искр. Две пары глаз сощурились – миг, второй, третий. Принцесса незаметно поёрзала на стареньком потёртом кресле.

— Ещё нет. Не совсем. Прости. Прости, если для тебя это так важно. Я... забылась. Теперь уйдёшь?

— Идти некуда.

— Твоя правда, идти некуда, — она снова шелохнулась. — Но если было бы куда.

— Если бы. Но идти некуда, так что без разницы.

99%

Она спала.

В грёзах её чаще всего посещала пустота, прямо как снаружи. Ну или свечение мониторов. Или Принцесса.

Иногда в сновидениях её звали настоящим именем, но чаще просто образом, картинкой в голове – как та, что отражалась в разбитом зеркале в ванной. Зеркало было справа от раковины, которая с водой, и перед туалетом, который смывался. У жеребцов то же самое.

Она спала.

Пока в одно мгновение не проснулась.

Могучая дрожь швырнула её на холодный пол. Ошарашенная, обуреваемая страхом, она выпуталась из драных одеял и старых подушек, сжалась, закрыла голову ногами, представляя, как обваливается потолок или как ей откалывает рог какой-нибудь ржавой панелью.

Но ничего не произошло. Толчки улеглись. А она... не шевелилась. Ждала. Этого не случалось уйму времени. В последний раз так трясло, когда она была маленькой, когда пони было не двое, а трое. Столько лет назад, что и не сосчитаешь.

Это нечестно, *неправильно*. Всё ведь кончено, *они* прекрасно знают! Она никогда не спрашивала себя, кто такие эти «они». *Они* – это Всё, само мироздание, из которого

слепой гнев вылепил табун безликих пони, чтобы их ненавидеть. Игра кончилась, а они... они всё дразнятся и издеваются! Зачем пристали? Почему нельзя просто жить и не волноваться, что заканчивается кофе, что гаснет свет, двери не открываются, мониторы взрываются, Принцесса не отвечает, а снаружи можно потеряться... и... и... и...

До неё донёлся неизвестный доселе звук.

Цокот. Цокот не её копыт и не копыт мамы.

Пони, что дрожала на холодном полу, обуревали чувства. Ужас. Озадаченность. И...

Надежда, что странно. Неуют.

— Блоссом?

Невозможный голос. Невозможный – потому что принадлежал Принцессе, а это значило бы, что она покинула кресло и комнату. Покинула мониторы.

— Блоссом? Ты там в порядке?

— Тут! — просипела Эппл Блоссом, сиделка-скиталица. Копыт с головы не убрала. — Тут я! Всё хорошо.

— Хвала звёздам. Выходи, свет ещё не погас.

Она подползла, утвердилась на ногах и вышла на белый свет.

Принцесса походила на скелет: тощая, суховатая, как последняя книжка с Историями. И лишь в её глазах по-прежнему горел огонёк жизни. Трещина в роге будто увеличилась, но это от того, что теперь её не скрывала тьма.

Никогда ещё Блоссом не видывала Принцессу на свету.

— Так вот какого цвета у тебя шерсть, — ляпнула она.

Принцесса удивлённо моргнула.

— Прости, я... Ты вышла из комнаты.

— Вышла. Какая ты проникательная, дитя, — Принцесса лукаво улыбнулась.

— А мне... ну, я...

— Хочешь со мной? Час настал, всё готово. Нам нужно вниз.

— Мне туда нельзя, — голос казался таким слабеньким.

— Ты со мной, ничего страшного. Да. Я ни на шаг не отстану. Пойдём, если хочешь. Я бы... — волнение коснулось черт её лица и, точно волна, исчезло. — Я бы не отказалась от компании.

Блоссом кивнула и двинулась вслед за Принцессой.

Они прошествовали мимо Кухни, но не вошли. Свернули в противоположную сторону от выхода в Ничто, к Закрытой Двери. Той, которой Блоссом ни разу не трогала.

Принцесса коснулась её копытом — та засверкала и исчезла.

— А? Это что было? — Блоссом аж отскочила.

— Гм? Это магия, дитя, обычная магия. Ты разве не единорог?

— Но... но...

— Что «но»? — Принцесса обернулась, вопросительно склонив голову набок.

— Это... это взаправду магия? Настоящее заклинание?

— Да?

— Я... я никогда... — Блоссом сглотнула. — Мне... всегда хотелось поглазеть, на что она похожа.

— Но ты единорог.

— Ну да. Я умею поднимать вещи, но и только.

— Ты... Да, да, — Принцесса втянула воздух, закрыла глаза и медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы. — Не... не забивай голову. Пойдём.

За дверью был очередной коридор, озарённый красными лампами; в конце — винтовая лестница, будто в сердце вселенной, и ещё дверь.

Они словно очутились в Истории, но не в такой, как мамыны.

У двери Принцесса уставилась на странный прибор и буркнула что-то себе под нос.

— Сама я кнопки не нажму. Копыта слишком большие, а магия... эх. Сумеешь?

— Эм... ну да!

— Нажимай: один-ноль-один-один-ноль.

Она ввела цифры осторожно, почти с благоговением. Вот теперь действительно История! Совсем как... как про пегаску, которая летала и искала сокровища. Блоссом эти истории любила, но некоторые про подземные храмы – хотя что такое храм? – ей казались скучными. Она сама живёт под землёй. Чем тут восхищаться или изумляться?

Дверь отъехала, являя взору... ну, по сути, ничего. Но оно было не как Ничто. Ничто – абсолютное отсутствие, а тут просто темнота. По коже пробежало покалывание от тока, совсем как в тот раз, когда она бродила по старым техническим туннелям, только сейчас наэлектризовался сам воздух.

Принцесса отважно окунулась в черноту – и зажёгся свет.

Зал не поддавался пониманию Блоссом. Громадные машины, покрытые тошнотворно-зелёными рунами, мерцали в такт горящим знакам на стенах. Было похоже на...

Она описала бы их как «созвездия», если б знала такое слово. Повсюду огни волшебных ламп – водят хоровод вокруг нагромождений невероятных механизмов. Воскликнула бы: «Сколько звёзд!» Но не воскликнула. Она никогда не видела звёзд и созвездий, пламенеющих среди холодной пустоты.

Она ступила в чертоги Саркофага.

Пони в молчании лавировали между машин, те рычали и изредка напевали мелодию. Блоссом не задавала вопросов, и не потому, что её не одолевало любопытство, а скорее потому, что не доставало слов. Вопросы недовольно вертелись на языке, ожидая воплощения в звук.

Под её благоговением крылась досада.

Блоссом жила уединённо, даже когда мама ещё не умерла, а Принцесса разговаривала. Больше в мире, на станции, не было ни души. Кому-нибудь в коридорах, складах и технических туннелях показалось бы одиноко – она же не возражала. Блоссом умела поднимать, толкать и нажимать – ей достаточно было такой магии. Она не знала, над чем корпит Принцесса. К чему оно, если монитор объясняет всё?

Однако теперь этого хватать перестало.

Раньше мир казался цельным и незыблемым. Пределы и узкий круг обязанностей ограничивали его. Мир был комнатой, ну, или несколькими комнатами, сплетёнными в единое пространство. Снаружи не в счёт: там ничто, там сны.

Саркофаг не принадлежал её Миру, как не принадлежал и тому, что извне. Он был *где-то*, где-то ещё – не как в Историях, не как во снах, а... а...

Впервые она почувствовала себя крохотной.

Принцесса проверяла машины и, что-то приговаривая, чертила копытом волшебные линии, пока не соединила все друг с другом. Обернулась.

— Что это? — спросила Блоссом.

— Чрево, говоря языком поэтов.

— В смысле?

— С ним я исправлю мир. Остался последний шаг.

— С чем... А я... Исправишь мир? — она тряхнула головой. — Ничего не понимаю. Как?

— Увидишь, — ухмыльнулась Принцесса. — Ступай за мной.

Она провела Блоссом к зеркалу, установленному в середине залы. С виду, зеркало как зеркало, разве что его опоясывает круг гравированных рун.

— Это оно?

— В некотором роде.

— И как оно всё исправляет?

— Готово, — Принцесса, кажется, позабыла про её присутствие. — Вот и готово. Наконец-то. В этот раз дольше... с каждым новым циклом всегда выходит чуточку дольше. Уж не знаю, что думать.

— Это... это всё магия, да? Странные символы и зеркала?

— Магия? Нет, это... — Принцесса поглядела на неё, будто увидала впервые, и повела плечами. — Да, магия. Я возвращаюсь.

— Куда?

— В самое начало. Где продолжу работу.

— Но... разве не это твоя работа? Смотреть на экраны, ждать... чего-то там?

— Нет, дитя, экранами ничего не исправишь, — она покачала головой и замолчала на миг.

— Конечная Проблема. Энтропия. Всё распадается. Мать тебе не рассказывала?

— Нет.

— Всё со временем выходит из строя, без исключений, — вздохнула Принцесса. — Как свечка, которая горит, пока не останется огарок. Я упрощаю, но смысл в целом таков.

— Оно это исправит?

— Разумеется, нет, — Принцесса отстранилась и кивнула на зеркало. — Время пришло. Я, по-моему, в первый раз тебя сюда привожу. И объясняю всё тоже. Всякий раз я ищу решение конечной проблемы, бьюсь с неминуемостью конца, а потом, по зову сигнала, ухожу домой. Начинаю с начала. Выкупаю время.

— В... первый раз? А были другие? Ты никогда не слезала с кресла.

— Я покидала его много раз, но в иных временных линиях.

— Я не... — Блоссом потрясла головой. — Не понимаю. Ты куда-то уходишь?

Принцесса хотела было ответить, однако Блоссом перебила:

— Но если ты уйдёшь, что делать мне?

Вновь тишина. Принцесса поглядела назад, отвернулась. Попыталась было что-то сказать, однако смолчала.

— Дитя, — всё-таки вымолвила она наконец, — знаешь, принцессой чего я была?

— Принцессой всего.

Смешок.

— Нет. Поначалу нет, ничего грандиозного. Я была Принцессой Дружбы. Ты и не знаешь, наверное, что это. У меня было много друзей. Тысячи тысяч, пожалуй.

— Но... как же ты помнила их всех по имени? — Блоссом поражённо моргнула.

— Учишься. Пытаешься. И всякий раз всё чуть иначе. Всякий раз всё ближе к ответу, но...
— она пронзила кобылку взглядом. — Ты правда ни капли не разбираешься в магии?

— Н-нет.

— А хочешь?

— Ещё бы! Магию, как в Историях, — оживилась Блоссом.

— Подойди.

Та подошла. Принцесса склонила голову и быстро соприкоснулась с ней рогами. Силы тут же покинули Блоссом. Она обмякла, зашаталась, но Принцесса вовремя её подхватила.

— Постоянно забываю, какая ты огромная, — пробубнила Блоссом.

Принцесса улыбнулась, искренне улыбнулась.

— Со временем привыкаешь. У меня на уме кое-что рискованное. Оно всему поможет. Но без тебя мне не управиться. Ты со мной?

— А... а что ты хочешь?

— Однажды ты повстречаешь пони по имени Твайлайт Спаркл. Прикоснись к её рогу и скажи, что для неё послание. Для тебя тоже будет, но не переживай. Ничего не объясняй. Ты всё поймёшь, уж я позаботилась. И не забудешь.

— Я... — она зевнула. — Я не понимаю.

— Ничего. Поймёшь. Тебе... тебе понравится, думаю. Сейчас мы уйдём. А когда повстречаемся снова, всё будет совсем по-другому.

— Ладно.

100%

Удручённо вздыхая, молодая кобыла по имени Твайлайт подступила к борту колесницы и устремила взгляд на деревушку, именуемую Понивилль. *Понивилль!*

На краткий миг её охватило головокружение, будто она ухнулась с большой высоты, но вскоре отступило. М-да, вот и смотри потом вниз.

Всё под контролем. До начала праздника ещё есть время. Хватит, чтоб убедить Селестию неким образом решить проблему с Найтмер Мун. Уж Твайлайт найдёт способ. Уж Твайлайт-то права.

Но слова Принцессы по-прежнему звенели в голове:

«Прекрати уже читать всякие старые пыльные книги!»

Ну... может быть. Только может...

Так и быть, попозже она поразмыслит над словами наставницы. А сейчас дело не терпело отлагательств.